

И. П. Потапенко

**НА
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ
СЛУЖБЕ**

Игнатий Потапенко

**На действительной
службе (сборник)**

«Лепта Книга»

УДК 821.161.1-3"18/19"
ББК 84(2Рос=Рус)5-44

Потапенко И. Н.

На действительной службе (сборник) / И. Н. Потапенко — «Лепта Книга»,

ISBN 978-5-91173-251-6

И. Н. Потапенко (30.12.1856–17.05.1929) – незаслуженно забытый русский писатель, человек необычной судьбы. Он послужил прототипом Тригорина в чеховской «Чайке». Однако в отличие от своего драматургического двойника Потапенко действительно обладал литературным талантом. Наиболее яркие его произведения посвящены жизни приходского духовенства, – жизни, знакомой писателю не понаслышке. Его герои – незаметные отцы-подвижники, с сердцами, пламенно горящими любовью к Богу, и задавленные нуждой сельские батюшки на отдаленных приходах, лукавые карьеристы и уморительные простаки. Повести и рассказы Игнатия Потапенко трогают читателя искренней, доверительной интонацией. Они полны то искрометного юмора, то глубокого сострадания, а то и горькой иронии. В сборник вошли лучшие образцы творчества писателя из его шеститомного собрания сочинений, вышедшего в Москве в 1890-х гг. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-3"18/19"

ББК 84(2Рос=Рус)5-44

ISBN 978-5-91173-251-6

© Потапенко И. Н.

© Лепта Книга

Содержание

На действительной службе	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Игнатий Николаевич Потапенко
На действительной службе (сборник)

© ООО «Издательство «Лепта Книга», 2011

* * *

На действительной службе

Повесть

I

Среди встречающей публики, наполнявшей огромный сараеобразный зал железнодорожного вокзала, резко выделялись две фигуры. Обе они принадлежали к духовному сословию и были одеты в длинные рясы. Но на этом кончалось сходство между ними, и, взглядевшись в них повнимательнее, сейчас же можно было догадаться, что это люди разных положений. Тот, что стоял у круглого афишного столба и внимательно читал распределение поездов юго-западных железных дорог, по всем признакам принадлежал к духовной аристократии губернского города. На нем была темно-зеленая атласная ряса; на груди его красовался большой крест на массивной цепи и еще что-то на цветной ленте. Полные щеки его, молочного цвета, окаймлялись седоватой растительностью, которая внизу сгущалась и впадала в широкую тщательно расчесанную бороду. На руках были черные перчатки, на голове – темно-серая мягкая пуховая шляпа. От времени до времени он вынимал из-под рясы массивные золотые часы и, по-видимому, был недоволен, что время идет не так скоро, как ему хотелось.

Другой помещался на скамейке в самом углу, прижатый огромным узлом, принадлежавшим какому-то толстому мещанину, который сидел рядом. Прежде всего бросалась в глаза его совершенно седая, очень длинная борода, которая казалась еще длиннее оттого, что он склонил голову, так что борода касалась колен. На коленях лежали руки с длинными неуклюжими пальцами и с выпуклыми синими жилами. Полы серой порывевшей от времени рясы раздвинулись, и из-за них выглядывали большие сапоги из грубой юхты. Старик был тонок, сухощав и сильно сутуловат. Бледное лицо его казалось мертвенным благодаря тому, что он закрыл глаза и дремал. Но иногда шум, происходивший на платформе, заставлял его просыпаться; он с некоторым недоумением обводил взором многочисленную публику, к которой, по-видимому, не привык, и потом, как бы сообразив в чем дело, опять погружался в дремоту.

Духовному лицу в атласной рясе надоело наконец, изучать расписание поездов; оно уловило минуту, когда сидевший в серой рясе открыл глаза, и подошло к нему. Последний тотчас же быстро схватился, встал и по возможности выпрямился.

– Смотрю, смотрю, знакомое лицо... и не могу определить, где я мог вас видеть! – сказала лицо в атласной рясе приятным баритоном с растяжкой.

– А я так сию минуту узнал вас отец-ректор!.. Я, ежели изволите помнить, диакон села Устимьевки, Игнатий Обновленский.

Ректор выразил удовольствие, смешанное с удивлением.

– Обновленский... Обновленский... Ваш сын... Да, да, да, да! Так вы отец Кирилла Обновленского?! Очень приятно, очень приятно!.. Хороший был ученик, образцовый!.. Знаете, ведь мы за него получили благодарность от Академии... Как же, как же!.. Очень, очень приятно! Что же он теперь? Кончил?

Дьякон Игнатий Обновленский был, видимо, обрадован одобрением столь важного лица, как ректор семинарии. В его больших глазах заиграли искры, и самые глаза увлажнились. Он готов был плакать от восторга всякий раз, когда лестно отзывались о его младшем сыне Кирилле.

– Ах, ваше высокопреподобие, он кончил... первым магистрантом кончил... Да, первым магистрантом.

– Ну, и что же, оставлен при Академии? Первых всегда оставляют.

– Нет, не оставлен!

И голос дьякона вдруг дрогнул и понизился. Старик был смущен. Как же, в самом деле, первых всегда оставляют, а Кирилл не оставлен?! Почему же он не оставлен? Писал ведь он: «Дорогие, – говорит, – мои старики, еду я к вам и больше уже от вас не уеду»... Значит, не оставлен...

– Гм... Это странно!.. – сказал отец ректор. – Признаюсь, даже не понимаю.

У дьякона задрожала голова; сердце его сжалось не то от какого-то непонятного предчувствия, не то от стыда перед отцом ректором за то, что его сын, за которого семинария даже благодарность получила, все-таки не оправдал полностью всех надежд.

– И я не понимаю!.. – почти шепотом сказал он. Что-то стояло у него в горле и мешало говорить.

– А я вот племянника жду. Тоже академик. Вместе с вашим Кириллом в Академию отправили. Сюда и назначен, в нашу семинарию, – сказал отец ректор, как бы желая загладить впечатление неприятного разговора.

Но дьякон уже не слушал его. Глухой звон, доносившийся с платформы, свидетельствовал, что поезд уже близко. Он засуетился, весь задвигался и ринулся к двери, куда хлынула встречающая публика. Через минуту он был на платформе и с трепетным замиранием сердца следил глазами за приближавшимся поездом. Он внимательно присматривался, не увидит ли издали дорогую голову своего сына где-нибудь в окне вагона, но, разумеется, ничего не видел. Поезд с торжественным гудением вкатился под высокую крышу вокзала. Дьякон застыл на месте и с растерянным видом смотрел разом на выходы из всех вагонов. В глазах его все путалось и смешивалось. Казалось, он видел всех выходящих и суетливо снующих по платформе с чемоданами и узлами, слышал разговоры, приветствия, поцелуи, но в то же время все это для него было точно во сне. Ведь это вот там отец ректор облобызал молодого человека с дорожной сумкой, одетой через плечо, а потом пожал руку другому молодому человеку, высокому, бледному, с длинными русыми волосами, висевшими из-под шляпы, с небольшими усиками и бородкой клином. Вот они идут сюда. Высокий молодой человек даже не идет, а почти бежит, а у него, у дьякона, сердце так вот и замирает, голова кружится и ноги дрожат, и уж совсем не понимает он, что это такое делается. Он сжимает в своих объятиях Кирилла и не хочет отпустить его, целует его в голову и не хочет перестать, словно это не свидание, а разлука. Кирилл силой вырвался от старика.

– Ну, ладно, ладно, поцелуемся еще!.. – сказал он крепким басоватым голосом. – Там багажец есть, надо получить.

Старик покорно последовал за ним. Он то забегал вперед, то отставал, попадал не в ту дверь, тащил чужой чемодан, но ничего не расспрашивал, а только жадно смотрел на высокую фигуру своего сына, на его походку, на длинные ноги, на черный казенный сюртук и от всего приходил в умиление.

Когда они получили чемодан и сели на извозчика, Кирилл спросил:

– А Мурка здорова?

– Марья Гавриловна? Слава тебе, Господи! Ждет тебя!..

– Что же она встречать не пришла?

– Желала, очень желала. Да матушка, Анна Николаевна, не позволила. Девице, говорит, неприлично.

– Ну, а мать, сестра, брат Назар? Здравствуют?

– Кланяются. Назар в священники просился, да отказал владыка. Еще, говорит, послужи.

А сам дьякон в это время подумал: «Сперва о Мурке своей спросил, а потом о матери. Непорядок».

– Куда держать прикажете? – спросил извозчик, которому забыли сказать это.

– В соборный дом, в соборный дом! – поспешно сказал дьякон и прибавил, обращаясь к сыну: – Мы к отцу Гавриилу заедем, там и лошади мои стоят... Покушаем – да и в Устимьевку, к вечеру дома будем.

– Нет, нет... переночевать надо... дело: надобно побывать у преосвященного!

Хотел старик спросить, зачем, да воздержался. А между тем в голове его копошились неприятные мысли. «Первым магистрантом закончил – и к преосвященному. Зачем? – думал он. – К преосвященному ходит наш брат – простой человек. Ну, там во священника либо в дьякона просится. А то магистрант, первый магистрант... Чего ему?» Но, подавленный восторгом по поводу того, что горячо любимый сын наконец приехал и сидит рядом с ним на дрожках, старик молчал, отложив вопросы на после. А сын не догадывался о его думах. Он смотрел по сторонам и удивлялся разным переменам в губернском городе за последние два года. Строят новую церковь, замостили Вокзальную улицу, немало новых домов выросло.

– Растет наша губерния! – заметил он вслух. – И соборный дом заново окрашен!

Двухэтажный соборный дом, к которому они подъехали, был окрашен в темно-коричневый цвет. Неподалеку от него, на большой площади, отгороженной железной решеткой, возвышался собор, здание большое, но неуклюжее и угловатое. Они расплатились с извозчиком и вошли в калитку, а потом поднялись на второй этаж. Отец Гавриил Фортификантов занимал весьма приличную и просторную квартиру в соборном доме. По чину он был третьим священником, и так как обыватели губернского города отличались богобоязненностью, то доход у него был хороший. Гости поднялись по узкой деревянной лестнице, застланной парусиновой дорожкой, прошли обширный стеклянный коридор и вступили в покои отца Гавриила Фортификантова. Уже из передней можно было заметить, что в зале происходит некоторое движение, но солидное, лишненное всякой суетливости. На пороге их встретил сам отец Гавриил и сперва осенил Кирилла благословением, а потом уже обнял и трижды облобызал. Тот же час из гостиной вышла солидная матушка, Анна Николаевна, в светло-голубом капоте, с наколкой на голове; она тоже поцеловалась с Кириллом. В этом доме говорили ему «ты» и обращались как с сыном. Уже со второго богословского класса он считался женихом Марьи Гавриловны. Конечно, такое доверие к сыну бедного сельского дьякона объяснялось особенными успехами Кирилла в науках. Уже тогда было известно, что он поедет в Академию.

Сели. Разговор вертелся на подробностях путешествия и некоторых городских новостях. Было уже часов одиннадцать – матушка пригласила к завтраку.

– А где Мура? – спросил Кирилл, – Марья Гавриловна? – поправился он, вспомнив, что при родителях он никогда еще так не называл ее.

– Она одевается! – сказала матушка, но Мура была одета. Матушка просто «выдерживала» ее, считая, что девице неприлично выбегать навстречу мужчине. Положим, он ее жених, но ведь два года они не видались. Мало ли какие могли произойти перемены?

«Когда же отец Гавриил начнет расспрашивать его?» – трепетно думал дьякон. Он сильно рассчитывал на эти расспросы, сам же не решался начать их. Он просто-таки побаивался сына, сознавая свое дьяконское ничтожество перед его магистранством.

В столовую вошла Марья Гавриловна. Она поздоровалась с Кириллом по-дружески, но чинно и сдержанно. Кирилл нашел, что она возмужала и потолстела. У нее было довольно обыкновенное круглое лицо с румяными полными щеками и живыми карими глазами. Густые черные волосы, тщательно причесанные, выростали в длинную, толстую косу, спускавшуюся ниже пояса. Ее чинные манеры очевидно были неискренни. Она вся зарделась и от волнения молчала. Ей хотелось прижаться к своему любимцу, которого она ждала с таким нетерпением и теперь находила прекрасным.

– Так вот оно как, Кирилл Игнатьевич. Ты первый магистрант Духовной Академии! Честь и слава тебе! – промолвил отец Гавриил отчасти торжествующим тоном, но в то же время и с оттенком легкой шутки.

У дьякона дрогнуло сердце. «Сейчас он объяснится», – сообразил он, и вследствие волнения начал есть с преувеличенным аппетитом. Мура пристально взглянула на приезжего и с своей стороны подумала: «Какой он теперь, должно быть, ученый!»

– Да, птица важная! – шутя, ответил Кирилл.

– А еще бы не важная? Большой ход тебе будет, очень большой ход!..

«Вот, вот начинается», – думал дьякон.

Кирилл промолчал на это. Но отец Гавриил решил исчерпать всю тему и продолжал:

– Но как же ты без всякого назначения? Разве имеешь что-либо особенное?

– Ничего не имею, отец Гавриил. Вот весь перед вами.

«Ага, ага, так и есть! Чудеса какие-то, истинно чудеса!» – размышлял дьякон и, боясь, чтобы сын не прочитал этих мыслей на его лице, смотрел прямо в тарелку.

– Это удивительно! Первый раз слышу, чтобы первый магистрант – и так вот... Ничего даже не предложили... Удивительно!..

– Как не предложили? Оставляли при Академии – сам отказался!..

После этих слов все разом, и отец Гавриил, и матушка, и Мура, и даже дьякон, положили вилки и ножи на стол.

– Вот оно что! – пробормотал дьякон, но тут же испугался. Может быть, Кириллу это неприятно, обидно?

– При Духовной Академии... И ты отказался! Да ты прямо безумец! – воскликнул отец Гавриил.

– Именно безумец! – подтвердила матушка.

Мура ничего не сказала. У нее только сжалось сердце от сожаления. «В столице жили бы?» – мелькнуло у нее в голове. Жизнь в столице представлялась ей недостижимой мечтой.

– Что ж мне делать, если я люблю вас всех, люблю свой теплый юг, деревню, в которой вырос, и мужичка, который выкормил меня и моих близких! – серьезно и вдумчиво произнес Кирилл. – Вот я и приехал к вам. Любите, коли мил вам! – прибавил он.

Все переглянулись, а отец Гавриил сказал:

– Это похвально. Любовь к родине и к ближнему – это превосходно. Но зачем же отказываться от того, что приобретено трудом и талантом? Ты мог приехать к нам, повидаться с нами и вновь уехать. И деревню увидеть и прочее. Но отказываться от профессорства, да еще где? В столичной Духовной Академии! Это прямо преступно.

– Преступно! – повторила матушка с величайшей экспрессией. – Именно преступно!

– И при чем тут деревня! – продолжал отец Гавриил. – Ведь все равно не будешь же ты жить в деревне?

– Я буду жить в деревне, – твердо и отчетливо сказал Кирилл. – Я буду сельским священником.

Эти слова поразили всех, точно трубный звук. В первое мгновение никто не поверил. «Шутит!» – мелькнуло у всех в голове, и все подняли взоры на Кирилла. Кирилл сидел на своем месте, серьезный, сосредоточенный и бледный. В глазах его светилась твердая воля и бесповоротное решение. Все поняли, что это не шутка.

Отец Гавриил покраснел и, шумно отодвинувшись от стола вместе со стулом, промолвил чуть не гневно:

– Да ты приехал издеваться над нами!

– Я? Над вами? – с глубокой и искренней скорбью в голосе спросил Кирилл.

Матушка быстро поднялась с места и, приняв гордую осанку человека, который оскорблен в лучших своих чувствах, промолвила:

– Моя дочь не для деревни!

И затем, обратившись в Марье Гавриловне, прибавила повелительно:

– Марья, иди к себе!

Кирилл тоже поднялся и, отойдя к окну, встал вполоборота, по-видимому, расстроенный и потрясенный. Он исподлобья смотрел на свою невесту, ожидая, что она предпримет. Мура повиновалась. Она чувствовала, что у нее сейчас польются слезы и, считая это для себя позорным, поспешно повернулась к двери и быстрыми, неровными шагами вышла. Матушка последовала за ней. Отец Гавриил сидел с красным лицом и сдвинутыми бровями. Казалось, он хотел разразиться громовой речью, но вместо этого он вытер салфеткой усы, встал, перекрестился и, даже не взглянув ни на Кирилла, ни на дьякона, последовал за женой и за дочерью.

Дьякон сидел неподвижно, опустив голову и свесив руки. Он никак не мог хорошенько взять в толк, что такое перед ним случилось. В голове его бродили отрывочные фразы: «Отец Гавриил как рассердились!.. И матушка! Первый магистрант! Сельский священник... Господи, Создатель мой!» И он боялся поднять голову, чтобы не встретиться со взорами сына.

Кирилл несколько минут простоял у окна, потом энергично зашагал по комнате, шумя стульями, которые цеплялись за его длинные ноги. Пройдясь туда и обратно и как бы убедившись, что эта прогулка не представляет никаких удобств, он остановился за спиной старика и промолвил дрожащим голосом:

– Что ж, отец, возьмем наш чемоданчик и махнем!

Дьякон вздрогнул:

– Как? Куда? Как же это? Значит, совсем, окончательно?!

– Надо так думать! – с горькой улыбкой сказал Кирилл.

– И тебе... тебе не жаль, Кирюша? – робким и мягким голосом спросил дьякон.

– Как не жаль? Жаль, больно мне, сердце разрывается... да ведь прямо же отказали!

– Отказали! – гробовым шепотом повторил старик.

Сколько разочарования и разбитых надежд заключалось для него в этом слове! В жизни его были две гордости. Первая – это его сын, который в ученье всегда был первым и даже в Духовной Академии отличился, первым магистрантом кончил. Вторая гордость – это предстоящее родство с семейством отца Гавриила Фортификантова. Смел ли он, сельский дьякон, бедный, неграмотный, незаметный, темный, состарившийся в забвении, смел ли он мечтать о таком родстве! Мечта, однако, готова была осуществиться; он был бы принят в дом протоиерея и считался бы здесь своим человеком – и вдруг!

Он поспешно поднялся, застегнул шейную пуговицу своей поношенной ряски и с покорностью отчаяния сказал:

– Пойдем, сынок!

Они вышли в сени. Кирилл ступал твердо; у него стучало в висках и сердце билось неровно, но он знал, что иначе поступить не может. Дьякон робко и неслышно семенял ногами. Двери во все комнаты были наглухо закрыты. За ними не было слышно ни разговора, ни движения. Они уже были в стеклянном коридоре, когда дьякон спросил шепотом:

– Как же это? Не простившись? А?

– Не хотят! – глухо ответил Кирилл и, прихватив чемодан, стал спускаться по лестнице. Дьякон замешкался. Он тихонько приотворил дверь в кухню, поманил пальцем горничную и шепнул ей:

– Анюта, ежели будут осведомляться... мы на Московском постоялом дворе.

Анюта посмотрела на него с изумлением и заперла за ними двери, когда он спустился вниз.

Молча дьякон заложил лошадеенок в свою таратайку, подобрал сено, свалившееся на землю церковного двора; молча они уселись и выехали на улицу.

Московский постоялый двор помещался на окраине города. Подъезжая к нему, Кирилл мог бы вспомнить, как десять-пятнадцать лет тому назад они здесь останавливались всякий раз, когда отец привозил его с каникул в семинарию. На этом обширном дворе стояла их телега, которая служила яслями для старой клячи. Обширный, довольно грязный и лишенный каких

бы то ни было приспособлений номер остался все таким же, точно пятнадцать лет для него не проходили вовсе. Но Кириллу было не до воспоминаний. Войдя в комнату и швырнув кое-как чемодан, он зашагал из угла в угол, да так энергично, что дьякон предпочел удалиться к старому знакомому, содержанию постоялого двора, и тут же стал выкладывать ему все, что накопело у него на душе.

– Знаете что, отец дьякон! – сказал содержатель постоялого двора, человек солидной комплекции и положительных правил. – Вы не обидитесь, что я вам скажу: у вашего сына, должно быть, что-то в голове не в порядке. Поверьте, что так!

Дьякон обиделся.

– Ну, уж извините. У моего сына такая голова, что дай Бог вашему сыну такую! – сказал он не без ядовитости.

– Мой сын будет содержать постоялый двор, зачем ему такая голова? А ваш – переучился!.. Знаете, у него ум за разум зашел. Нет, вы не обижайтесь, отец дьякон, я по сочувствию говорю!

Дьякон вышел от него совершенно расстроенный и, войдя в свой номер, спросил убитым голосом:

– Завтра к преосвященному пойдешь, что ли?

Кирилл сел на протертом стуле и посмотрел на отца простым дружеским взглядом.

– Присядьте, батюшка, потолкуем. Мы с вами еще толком не побеседовали! – сказал он голосом, выразившим спокойствие.

Дьякон поспешно присел на кровати, которая начала жалобно пищать под ним.

– Зачем мне теперь идти завтра к преосвященному? – промолвил Кирилл. – Ведь чтоб сделаться священником, надобно жениться. А я других девушек не знаю, кроме Марьи Гавриловны. С нею я подружился и свыкся, и она со мной. Теперь мои мысли спутались.

– Спутались, именно спутались!.. – как эхо, повторил дьякон.

Кирилл улыбнулся.

– Нет, не то, что вы думаете. Вы считаете меня помешанным, я знаю.

– Даже и не думал... Бог с тобой! – поспешил опровергнуть дьякон. – Никогда я этого не думал!

– А я хочу только, чтобы был какой-нибудь смысл в моей жизни, вот и все. Ведь вы, батюшка, у меня не глупый человек, только бедностью забитый. Пусть никто не понимает, а вы должны понять. С малолетства я жил в деревне; деревня наша, Устимьевка, бедная. И видел я мужика, как он во тьме кромешной живет и убивается. Темнота его от бедности, батюшка, а бедность от темноты. Так одна за другую и цепляется. За бедность полюбил я его тогда еще, в детстве, только любовь эта глохла во мне, спала, потому что жил я бессознательно, шел по ветру и ничего у меня своего не было. Ну, учился я много и прилежно, с книжной мудростью познакомился, с людьми умными разговаривал, и ум мой развился. И понял я, что жить зря недостойно ума человеческого. Такое я себе правило усвоил: коли ты умом просветился, то и другого просвети, ближнего. И тогда жизнь твоя оставит след. А кого просвещать, как не темного деревенского человека? Светить надобно там, где темно, батюшка. А уж как там темно, сами знаете. И для этого самого, дорогой мой отец, я презрел карьеру и решил сделать сельским священником. Теперь скажите, батюшка, помешанный я или нет?

Дьякон сидел с поникшей головой. Наконец-то он дождался объяснений от сына, и каждое слово из этой маленькой речи запало в его душу. Не вполне понимал он то, что говорил сын, но чувствовал, что в словах его есть нечто хорошее, справедливое. И радостно было ему, что сын так правдиво рассуждает, и жалко расстаться с мечтой о возвышении их незаметного рода, и стыдно за то, что он осмелился заподозрить Кирилла в умственном помрачении. Все эти ощущения смешались в его сердце, и он молчал. Кирилл встал и подошел к нему близко.

– Что ж, батюшка, одобряете или нет?

Дьякон порывисто обнял его грудь обеими руками и, припав к нему головой, промолвил дрожащим голосом:

– Ты правдивый человек... По-евангельски, по-евангельски!..

Кирилл поцеловал его в седую голову, и лицо его озарилось радостной улыбкой.

– Вот это хорошо, батюшка, что вы меня понимаете!.. Легче жить на свете, когда кто-нибудь понимает тебя. Я ведь знаю, что мать и все родные накинута на меня. А на вас я надеялся.

– Да, да! Но вот Мура-то твоя как? Ежели ты любишь, свыкся, говоришь, так это горько.

Кирилл молча стал ходить по комнате, а дьякон, посидев еще с минуту, вышел, чтобы не мешать ему. Он постоял на крыльчке, подумал, и вдруг на лице его появилось выражение решимости. Он вернулся в сени, взял свою шапку и, крадучись, вышел со двора. Тут он ускорил шаги и почти бегом направился к соборному дому.

II

Здесь он застал семейный совет, которому предшествовали очень важные обстоятельства.

Мура, выйдя из столовой, сидела в своей комнате в трепетном ожидании, что из этого выйдет. Когда же к ней вошла матушка и объявила, что Кирилл с отцом ушли и произошел окончательный разрыв, она разрыдалась и объявила, что ни за кого больше замуж не пойдет.

– Глупости! Не пойдешь же ты жить в деревню! – возразила матушка.

– Мне все равно; я люблю его и буду жить там, где он! И вы это напрасно, напрасно... Я прям сбегу к нему!.. Скандал вам сделаю.

Марья Гавриловна, вообще скромная и мягкая, иногда, а именно в решительных случаях, проявляла характер матушки, который ей достался, конечно, по наследству. Отец Гавриил в таких случаях удалялся в кабинет и запирался в клеть свою, предоставляя кося насканить на камень. И если бы это был обыкновенный житейский случай, то тут произошло бы то же самое. Но случай был особого рода, поэтому матушка не только смирила свой характер перед дочерью, а даже признала главенство отца Гавриила и предложила ему высказаться по этому важному предмету. Они принялись вдвоем действовать на Муру добрым словом.

– Знаешь ли ты, что такое деревня и какая там жизнь? – говорил отец Гавриил. – Глушь, живого человека нет, одни мужики. Смертельная тоска и скука. Мужики – народ необразованный, грязный, а тебе с ними придется компанию водить. Зимой вьюга, снегом все занесено. Летом зной.

– Мне все равно, я люблю его! – твердо отвечала Мура.

Отец Гавриил, как бы убедившись в тщетности своей попытки, замолчал и стал придумывать более действительный довод.

– И главное, ты вот что подумай! – заговорила, в свою очередь, матушка. – Ну, ты его любишь. Хорошо. Да он-то тебя любит ли? По-моему, не любит. Сама посуди: когда человек любит, то делает для своей невесты самое приятное. Так я говорю, отец Гавриил?

– Именно так! – подтвердил отец Гавриил, вспомнив при этом, что в свое время и он старался сделать своей невесте, ныне матушке, приятное.

– Ну, а он, видишь, как поступает! Зарубил себе там что-то в голове и ради этой глупости готов тебя закопать в могилу. Нет, не любит он тебя.

– Ах, нет, матушка, любит, ей-богу, любит! – с ударением произнес четвертый голос, и, оглянувшись на дверь, все поняли, что это не кто иной, как дьякон, вошедший незаметно, вроде привидения. Он на этот раз даже не казался робким и забитым; во всех его движениях видна была решимость. Он приложил правую руку к сердцу и с сильным ударением произнес:

– Отец Гавриил! Ах, матушка! Послушайте, ради Господа Бога! Сын мне сказал: «Э, зачем, – говорит, – мне идти к преосвященному, когда мне отказали! Все одно, говорит, жениться я не могу, потому ни одной женщины на свете не знаю и знать не хочу, кроме как Мура. И теперь, – говорит, – все мои мысли спутались». Отец Гавриил! Матушка!

И дьякон заплакал. Мура, услышав из его уст такое трогательное признание, опять рыдалась, а отец Гавриил с матушкой потупились и молчали.

– Чем же он это объясняет? – спросила после молчания матушка, не глядя на него.

– Желает поступать по-евангельски!

На лице матушки выразилось крайнее недоумение.

– Отец Гавриил, разве в Евангелии это сказано, чтобы непременно в деревне жить?

Отец Гавриил не ответил на этот не совсем удачный вопрос. Он сказал:

– Мое мнение таково: Мария наша – девица взрослая. Ей известно, что ее ожидает. Ежели любовь ее так сильна, что она на это решается, предоставим... А ее дело впоследствии мужа образумить! Вот. Я так полагаю, что он потом образумится. А в город всегда перевести можно. Вот. А впрочем, решай сама! – обратился он к матушке.

Дьякон подошел к нему и поцеловал его в руку и в лоб и, повернувшись к матушке, сказал:

– Матушка, позвольте и вам...

– Только я не буду виновата! – промолвила матушка и протянула ему руку, которую он с большим чувством облобызал. Мура бросилась к ней, и произошла трогательная сцена общих объятий.

Дьякон рысью побежал на постоялый двор и через полчаса притащил Кирилла к Фортификантовым. Но прежде чем окончательно получить титул жениха, Кириллу пришлось выдержать получасовое собеседование с отцом Гавриилом, потом с матушкой. Сущность этих бесед сводилась к убеждению образумиться. Кирилл был в благодушном настроении и не возражал. Он даже нашел возможным пообещать, что если опыт укажет ему что-либо лучшее, то он образумится. Наконец, ему было дозволено остаться с Мурой.

– Мура, – сказал он, – я должен объяснить тебе...

– Не объясняй, Кирилл, ничего я понимать не хочу... Я тебя люблю, вот и все...

И она прижалась к нему с такой доверчивостью, что он больше не пытался объяснять. Вечером они гуляли вдвоем. Кирилл рассказывал ей про роскошные дворцы, про мосты, про музеи и театры.

– Хорошо там! – несмело восклицала Мура, боясь, чтобы он не принял это за упрек.

– Хорошо! Только жизни там нет. Не живут там, а только время проводят. Жизнь там сгорает в пламени деловитости развлечений. По своей воле я бы там и года не прожил!

«А я бы век прожила!» – думала про себя Мура.

Наутро Кирилл проснулся рано. Преосвященный принимал с восьми часов. Одевшись в казенную черную пару, которая лежала на нем неуклюже, и напившись чаю, когда в доме протоиерея все еще спали, он вышел. Дьякон не спал и проводил его до ворот. Он даже хотел напутствовать его благословением, потому что визит к преосвященному представлялся ему чем-то необычайным, даже потрясающим, с чем бывают связаны мысли другого порядка. Но это как-то не вышло. Дьякон, однако же, остановил Кирилла у ворот и сказал:

– Конечно, преосвященный к тебе отнесется с уважением, потому что ты – ученый человек и с отличием. Однако ж, соблюдай почтительность... И вот еще: ежели будет прилично и увидишь с его стороны расположение, упомяни о брате твоём, Назаре. Не будет ли, мол, милости насчет священства?

Кирилл застал в приемной у архиерея целую кучу народа, все больше сельского духовенства в поношенных рясах и кафтанах. Одни имели вид благолепный, как вот эти двое довольно полных отцов, просящих разрешения поменяться местами. Другие со страхом и трепетом ожи-

дали ссылки в монастырь за неодобрительную жизнь. Попадались и женщины с заплаканными глазами, очевидно вдовы духовных лиц, ходатайствующие о пенсии или о том, чтобы им разрешили жить в сторожке той церкви, при которой их мужья подьячили тридцать-сорок лет. Магистранта Духовной Академии, Кирилла Обновленского, сейчас же впустили к архиерею, а толпа осталась по-прежнему ждать. Владыка принял его дружески. Благодарность, которую получила семинария за Обновленского, коснулась и его.

– Знаю, знаю, осведомлен. Отец ректор Академии писал мне. Надеялись на тебя, а ты возьми да и откажись. По болезни, гм! Какая же у тебя болезнь приключилась? На вид ты здоров.

Преосвященный был очень стар, но отличался бодростью и любил побеседовать. Совершенно седая борода его постоянно тряслась. Он был высокого роста и довольно полн. Лицо у него было простое и незлобивое, и сам он был добродушный человек, но любил показать, что строг и держит епархию в ежовых рукавицах. От этого получалось такое противоречие: все знали и говорили, что преосвященный строг, даже очень строг, но в епархии не набралось бы больше десятка наказанных. Покричит, покричит, да и отправит домой с миром. Кирилл сел на указанное самим преосвященным место и сказал:

– Я совершенно здоров, ваше преосвященство. Ежели я выставил причиной моего отказа болезнь, то это лишь ради формальности.

– Что-то не пойму! Говори-ка ясней, мой сын!

– Да, ваше преосвященство, я именно для того и обеспокоил вас своим визитом, чтобы высказать вам свои намерения. Прошу вас, дайте мне место сельского священника!

– Как? Что такое? Ты окончил Академию первым магистрантом и хочешь идти в село?

Это было естественно, что преосвященный изумился. Подобная просьба встречалась первый раз в его жизни. Обыкновенно академики хлопотали у него о самых лучших местах, всегда норовили попасть в собор, или уж если и соглашались в другую городскую церковь, то непременно настоятелями.

– Не понимаю, объясни, объясни! – прибавил преосвященный и с большим любопытством устремил на него взоры.

– Хочу послужить меньшому брату, темному человеку, единому от малых сих, – вдумчиво произнес Кирилл.

– Дельно, дельно! – сказал архиерей. – Только не понимаю, как это ты решился.

– Город меня не соблазняет, доходы меня не занимают! – продолжал Кирилл. – Сердце мое лежит к селу, где я провел мое детство.

– Это весьма дельно! Да благословит тебя Бог! – в восхищении произнес архиерей. – Я буду ставить тебя в пример другим. – Он поднялся, подошел к Кириллу и поцеловал его в лоб. – Но какой приход я тебе дам? У меня имеются лишь бедные приходы, а все лучшие заняты. Ты достоин самого лучшего прихода.

– Нет, нет, – возразил Кирилл, – мне этого не надо. Мне такой приход дайте, чтобы я мог безбедно существовать с семейством.

– Да благословит тебя Бог, да благословит! – повторил преосвященный, будучи совершенно растроган бескорыстием молодого человека. У него появилось желание тут же сделать ему какую-нибудь приятность, отличить его чем-нибудь.

– У тебя есть брат – диакон Назар. Скажи ему, чтобы приехал ко мне, я сделаю его священником и дам ему хорошее место.

Кирилл поклонился, а архиерей продолжал:

– Иди с Богом. Избери себе жену, а там и к сану иерейскому готовься. Место я тебе назначу.

Он благословил молодого человека, обнял его и прибавил:

– А все-таки жаль, что наш город тебя лишается. Ты был бы хорошим проповедником!.. Я помню, как ты еще в бытность в семинарии хорошо по гомилетике шел, помню, помню! Так скажи брату – пусть приезжает!

Кирилл вышел от архиерея в радостном настроении. Первое, что его радовало, это то, что старик, по-видимому, понял его. Приятно было так же обрадовать отца и Назара и всю семью известием об архиерейской милости. Публика, наполнявшая архиерейскую приемную, пропустила его почтительно; все глядели на него с завистью. Все уже знали, что он первый магистрант, и думали: «Счастливый, сейчас получит лучшее место в епархии. Дает же Бог людям счастье! И какой молодой, почти мальчишка!..»

В архиерейском дворе Кирилл встретил отца ректора с племянником. Евгений Андреевич Межов – так звали ректорского племянника – был одет очень парадно. Его черный сюртук был уже очевидно не казенный, а сшитый по заказу, сидел хорошо и был сделан из тонкого сукна. И шляпа на нем была новая, котелок с широкой синей лентой и с шнурком, прикрепленным к пуговице пальто. На руках черные перчатки, штiblеты новые, с лакированными носками. Держался он ровно и вообще смотрел солидным франтом. Ради торжественного случая он сбрил свои белобрысые бакенбарды и пригладил бриллиантином небольшие усики. Отец ректор был в черной шелковой рясе с регалиями на груди, в камилавке и с палкой. У ворот стоял семинарский экипаж. Было очевидно, что ректор привез племянника для представления архиерею.

– Представлялся? – спросил Межов на ходу, торопясь за своим дядюшкой.

– Да, – кратко ответил Кирилл.

– А я вот хлопотать приехал с дядюшкой!.. Ты знаешь, инспектора нашего перевели... Так я хлопочу.

– Так скоро? – удивился Кирилл. Это было тем более удивительно, что Межов кончил курс в Академии неважно и не имел основания даже рассчитывать на магистерство.

– Ну, что ж, дядюшка хлопочет... Видишь, инспектором меня не утвердят, а только исправляющим должность. Но ведь это все равно... Жалованье идет полностью.

– Конечно, конечно, – рассеянно сказал Кирилл.

– И квартира, и даже отопление... Ведь не дурно?

– Не дурно!..

Тут к ним подошел отец-ректор.

– Что же вы думаете с собой делать, Обновленский? – спросил он с каким-то не то участием, не то одобрением.

Кирилл не имел никакого желания откровенничать. Ректора он никогда не любил за его потайной, неискренний характер.

– Так, так... Это следует... Пойдем, однако, Евгений, замешкались!

Кирилл поклонился и разошелся с ними.

«Как, однако, легко преуспевают человек при добром желании!» – подумал он, вспомнив о малых талантах молодого Межова.

III

Таратайка дьякона Игнатия Обновленского была лишена рессор; на каждой кочке ее подбрасывало; треск от нее раздавался версты на две кругом. Все ее составные части обладали способностью издавать особенные, характерные звуки. Шкворень, соединявший передние колеса с ящиком, хрипло гудел, от времени до времени пристукивая; широкие крылья вместе со ступеньками издавали трепетный дребезжащий звук, в котором определенно слышалась однообразная печальная нотка. Эта нотка давала тон всей музыке и слышна была издали. Оглобли при поворотах и даже при простых движениях лошадемок круто скрипели. Вся эта симфония

хорошо известна уезду, и всякий, заслышав ее, мог с закрытыми глазами сказать, что едет устимьевский дьякон.

Они ехали уже часов пять, сопровождаемые густым облаком серой пыли, которая – раз ее потревожат – долго неподвижно стоит в воздухе, свидетельствуя всякому, что здесь проехали. Путешественники были совершенно серы от этой пыли. Дьякон дремал, пошатываясь из стороны в сторону, опрокидываясь и поспешно крестясь, когда повозку внезапно подбрасывало. Кирилл глядел по сторонам и вспоминал. По обе стороны широкой, извилистой дороги желтела подпаленная солнцем и поспевающая рожь. Вдали чернели баштаны, еще недавно только взошедшие. Кое-где вырисовывались хутора из десятка землянок с широкими огородами, с высоко торчащим журавлем у колодца. Там чабаны подгоняли к черному корыту у колодца «шматок» овец, казавшийся живым серым пятном на желтом фоне степи. Кругом было глубокое молчание; все живые существа попрятались в тень, ища спасения от знойных солнечных лучей.

Кирилл с каким-то грустным удивлением думал, что все это было так же два года тому назад, как будто он только вчера оставил родной уезд, да так же было и десять, и двадцать лет назад. Все так же серо, бледно и скучно, никакой перемены, никакого движения – ни вперед, ни назад.

– А ну, старина, подтянемся! Вон Устимьевка! – сказал Кирилл, указывая взором влево, куда сейчас должна была повернуть дорога.

Устимьевка открылась вдруг вся, с белой церковью, с жалким помещичьим садом, запущенным и наполовину высохшим от засухи и безводья, с каменным зданием кабака с черепичной крышей, открывавшим въезд в село, с тремя коротенькими мельницами, заостренными кверху, с кладбищем без зелени, холодным и неприветным. В стороне стоял помещичий дом с прогнившей дощатой крышей, с развалившейся и выцветшей штукатуркой, с развалившимися службами без крыш, с черными дырками вместо окон... Этот покинутый дом теперь ничем не напоминал о том, что прежде здесь жили люди со всевозможными удобствами и с полным комфортом. В общем, Устимьевка производила впечатление чего-то бедного, серого и до невозможности скучного. Свежему человеку при виде ее хотелось проехать мимо. Ее разбросанные хаты, перемешанные с землянками, пустынные гумна, колодцы с солоноватой водой не сулили усталому, измученному зноем путнику ни прохлады, ни радушия, ни покоя.

– Такая-то серота да беднота наша Устимьевка! – со вздохом промолвил дьякон.

Но в глазах Кирилла светилась радость.

– Родная беднота, батюшка! Ни на что ее не променяю! – сказал он и действительно ощущал в груди радостное чувство. Мысленно сравнивал себя с пленником, возвращающимся на родину, и чужими казались ему и столица с ее непрерывным шумом, с которым он никогда не смог свыкнуться, и казенная наука, не сумевшая привязать его к себе, и все, что осталось позади, за исключением Муры, которую он почему-то приурочивал к далекому прошлому, а следовательно, и к Устимьевке.

– Оно конечно! – сказал дьякон и, стряхнув с себя сонливость, ударил концом вожжей по лошаденкам. Лошади ввиду приближения дома и без того бежали быстрее, мелко семеня ногами. Вот они минули кабак и подъехали к церкви. Дьякон снял шапку и перекрестился.

– Приехали! – выразительно сказал он. – Благодарение Богу! А вон и церковь. А вон и наш домишко. Все в старом живем. Отец Агафон, настоятель, уж двадцать лет собирается церковный построить, да все откладывает... Теснимся очень!..

Проходившие по деревенской улице мужики, завидев или, лучше сказать, заслышав дьяконскую таратайку, обычным движением снимали шапку, но, приглядевшись, что с дьяконом сидит какая-то новая личность, пристально всматривались, и если узнавали Кирилла, то приветливо улыбались ему. Одна баба не выдержала и, указывая пальцем на гостя, крикнула от всего сердца:

– Да это ж Кирюша приехал! Вот!

Кирилл снял шляпу и низко поклонился ей. Ему было приятно, что здесь его называют тем самым именем, которым называли и пятнадцать лет назад. Наконец они подъехали к дьяконскому дому. Это была обыкновенная глиняная мужицкая хата, но окна в ней были больших размеров, и содержалась она чище. Хата стояла боком к улице; фасад ее выходил во двор. Ворота были настежь раскрыты. Три собаки извивались около таратайки, любовно вертя хвостами; но когда Кирилл соскочил с повозки, они вдруг выразили недоумение и стали подозрительно ворчать.

– Начинается плохо! – шутя, сказал Кирилл. – Собаки меня не одобряют!

Дьякон ни сказал ни слова, а только прикрикнул на собак. Он знал, что в шутке Кирилла есть смысл, и был уверен, что скоро разыграется потрясающая сцена.

Дверь из хаты с шумом раскрылась, и оттуда разом высыпала вся родня Кирилла. Он поцеловал высокую женщину с морщинистым и таким же бледным, как у него, лицом, тонкую и стройную. Лицо это было строго и, пожалуй, неприветливо. Это была его мать. Пятнадцатилетняя сестренка Мотя смотрела на него любопытными и веселыми глазами, но как-то дичилась и конфузилась. Семинарист Мефодий старался быть солидным и сдержанным. Ему было 17 лет. Кириллу даже показалось, что он отнесся к нему недружелюбно. Старая тетка, Анна Евграфовна, неизвестно почему плакала. Родственники целовались с ним как-то формально. Никто не спешил выразить ему свои чувства. Мефодий зачем-то вмешался в распряжку лошадей и заметил отцу, что седелка сильно трет лошади спину и что ее надо подшить войлоком.

– Господи! Весь в пыли! – звонким голосом воскликнула Мотя и, стащив с него пальто, выбежала на середину двора и принялась встряхивать его.

– Пойдем же в горницу! – сказала дьяконша. – Что мы тут на солнце стоим! Ты скоро, отец?

– Нет, нет, не дожидайтесь, идите!.. Я приду!..

Дьякон лелеял в душе надежду, что расспросы начнутся без него и что ему не придется быть свидетелем первого разочарования. Кирилл вошел в комнату вслед за матерью; за ним, шурша стоптанными башмаками, вошла тетка. Мотя прибежала после и сейчас же скрылась в соседнюю комнату. В углу, на треугольном столике, перед большим образом Божьей Матери в золоченой ризе теплилась лампада. Длинный диван, одетый в серый чехол из парусины, был главным украшением этой парадной комнаты, в которой принимали гостей. Перед ним стоял круглый столик, накрытый белой вязаной скатертью. На нем кувшин с букетом домашних цветов. У стены клеенчатые стулья с высокими спинками, шкаф с посудой за стеклянными дверцами и стенное зеркало, сильно наклонившееся вперед. Дьяконша чинно остановилась посреди комнаты и стала набожно креститься к образам. Потом она поцеловала лежавший на угольнике крест, дала поцеловать его Кириллу и тетке.

– Ну, садись же, Кирилл, и расскажи нам, что ты теперь есть!.. – сказала она и сама села на стул. Кирилл поместился на диване. Он чувствовал сильное смущение. Ему с первого шага поставили вопрос, на который он хотел бы ответить последним. Он молчал.

– Красавчик какой! Писаный? – произнесла наконец тетка, и это, по-видимому, ее успокоило. Она перестала плакать. Мотя стояла на пороге и с кокетливой полуулыбкой глядела на брата. Вошел Мефодий, грузно сел на стул и закурил папиросу.

– Значит, ты кончил Академию? Так, что ли? – возобновила вопрос дьяконша.

– Кончил! – ответил Кирилл.

– Ну, и теперь что же? Профессором будешь?

– Нет, не буду, маменька, профессором!

– А как же? Протопопом?

– Протопопом тоже не буду!

– Неужели в монахи пойдешь? Что ж, архиереем хорошо быть... Только долго ждать.

– Не советую в монахи идти!.. Свет глазам завязать! – жалобно сказала тетушка.
– И не пойду я в монахи, архиереем не буду.
– Чем же?
– Хочу в селе жить... Сельским священником!..
– Вот тебе и на!.. Священником всякий семинарист бывает! Для чего ж в Академию ездил?

– Для науки, маменька!
– А наука для чего? Вон отца Порфирия, что в Кривой Балке, священника сын, в прошлом году Академию кончил... Так сейчас ему в уездном городе первое место дали.

– Это бывает... Да, сказать правду, я еще сам хорошенько не знаю, что будет. Ну, как вы поживаете?

Кирилл сказал это, чтобы смягчить жесткость своего заявления. Но впечатление уже было произведено. На его вопросы отвечали вяло. Семинарист смотрел на него подозрительно и по всем признакам хотел задать ему какой-то каверзный вопрос, но не решался. Мотя в глубоком разочаровании совсем удалилась в соседнюю комнату и села у окна. И мать, и она, и семинарист, и тетка, а более всех сам дьякон давно уже сжились с мыслью, что Кирилл будет профессором семинарии, а там, пожалуй, и ректором. Но главное, никто не понимал этой странной перемены, и все объясняли ее внешними обстоятельствами. Тетка опять принялась плакать. Кириллу подали есть. Он выпил рюмку водки и сказал:

– Славная у вас рыба, хорошо пахнет!

– Из города! Своей у нас негде поймать! – ответила дьяконша. И после этого все замолчали.

Кирилл ел тоже молча. Радостное настроение, с которым он вступил в пределы Устимьевки, заметно уступало место досаде. Не ожидал он такого сухого свидания. Он понимал, что все зависит от его сообщения. Скажи он, как все говорят, что он будет профессором или протоиереем, у всех были бы радостные лица, все бы были удовлетворены. Понимал он и то, что мать затаила в душе обиду, которую он нанес всему семейству. Она сдержала себя из приличия, ради первого свидания. Но завтра она разразится потоком горьких упреков и слез. Эта женщина, много поработавшая в своей жизни и еще больше проболевшая, была раздражительна и желчна. Втолковать ей, в чем дело, заставить понять его идею Кирилл даже не думал пытаться. Лишенная всякого образования, почти неграмотная, она неспособна была понимать такие отвлеченные вещи, как служение ближнему на евангельской почве.

Тетка, сморкаясь от слез, вышла посмотреть, скоро ли дьякон приедет. Дьяконша пошла к Моте. Кирилл методично ел рыбу, медленно отрезал кусочки свежего огурца и разжевывал с необычайной серьезностью. Во всем чувствовалась неловкость. Мефодий, скрутив новую папиросу и закурив ее от прежней, дымил нестерпимо. Каверзный вопрос так и светился в его глазах. Он встал и, подойдя ближе к столу, сел у окна.

– Скажи, пожалуйста, Кирилл, – конфиденциальным тоном сказал он, опасливо поглядывая на дверь, куда ушла мать, – ведь это неправда?

– Что именно? – спросил Кирилл.

– Да вот это... Ты ведь не кончил Академию? Тебе что-то помешало?

Кирилл улыбнулся:

– Это потому, что я не иду в архиереи? Нет, брат, кончил... А не веришь, так вот тебе!

Он вынул из бокового кармана сложенную вчетверо толстую бумагу и подал ее брату. Тот развернул бумагу, взглянул на нее и порывисто бросил на стол.

– Ну, я этого не понимаю, совсем не понимаю! Уж это что-то особенное! Прямо магистрантом кончил... Вот посмотрите, маменька, Мотя... Ведь он прямо магистрант! И еще первый! У нас вот инспектор был, и тот до сих пор только действительный студент. Нет, ей-богу, ну, вот ей-богу, не понимаю!

– Это я тебе после объясню! – сказал Кирилл и перешел к молочной каше с сахаром, которую очень любил. Дьяконша и Мотя пришли и рассматривали диплом.

– Его надо в рамку поместить! – сказала Мотя. Она припомнила, что у настоятеля отца Агафона все дипломы – и на священство, и на набедренник, и на скуфью – висели в рамках на стене.

– Что ж, только и остается! – со вздохом заметила дьяконша.

Мефодий ходил по комнате с видом негодования и все говорил, что он не понимает. Тетка с красными веками явилась и с умилением разглядывала диплом.

– Ну, что? Подкрепился? А? Накушался? – спросил вошедший дьякон. Как человек, привыкший соразмерять и взвешивать каждый свой шаг, он пытливо заглянул в лица всех присутствующих и понял, что уже – свершилось.

– Славная у вас рыбица! – сказал Кирилл и радостно взглянул на отца, как на единственного человека, который понимает и одобряет его намерения.

– Из города! – сказал дьякон. – У нас ведь в колодцах рыба не водится!

Тут дьякон понял, что теперь самое время развеселить всех приятной новостью.

– А знаешь, Ариша, – обратился он собственно к дьяконше. – Кирилл-то у преосвященного был; преосвященный целовал его и сказал: «Есть, – говорит, – у тебя брат – дьякон Назар; он, – говорит, – во священники просился; так ты...»

И видя, что все домашние слушают его с напряженным любопытством, дьякон на минуту остановился для того, чтобы подразнить их.

– Или, может, не рассказывать? А?

– Ну, как же?! Что же преосвященный сказал?

– Ага! Любопытно! А вот возьму и не скажу!

– Ну вот еще... Тогда зачем было начинать! – Впрочем, дьякон в конце концов, расскажет, и, конечно, ему самому хотелось этого больше, чем всем остальным.

– «Так ты, – говорит, – скажи ему, чтобы он приехал, и я сделаю его священником».

– Сказал?

Суровое и сухое лицо дьяконши расцвело. Священство Назара – это была заветная ее мечта. Даже академическая карьера Кирилла стушевывалась перед этим благом. Что Кирилл! Вольная птица, заберется куда-нибудь за две тысячи верст, и поминай его как звали. Назар же – человек, привязанный к месту, коренной, куча детей у него. Он будет жить до веку на ее глазах. Да, это обидно, что младший сын ее, магистрант, идет в сельские священники, но зато какое огромное счастье, что старший сын, дьякон, будет священником, хотя бы и сельским. Мефодий радостно потирал руки; Мотя прыгала в соседней комнате, потому что ей перед Кириллом неловко было прыгать; тетушка рыдала от радости.

– Да ты правду ли говоришь? – допытывалась дьяконша.

– Ну, вот, стану я лгать в таком предмете! А не веришь – спроси у Кирилла!

– Правда, правда! – сказал Кирилл. Это мне сказал преосвященный!

– Господи, как это чудесно!

Все были взволнованы, подходили друг к другу и делились восторженными восклицаниями, говорили о том, как будет рад Назар и его жена Луня, как они устроятся на новом месте, как отдадут старшую дочку в епархиальное училище, для чего прежде не хватало денег.

– Эх, знаешь что, старуха?! Теперь я на покой, – с умилением воскликнул дьякон. – Пора ведь мне! Посмотри, как я сгорбился!

– Куда на покой?

– А так, на покой! Подам за штат и пойдем к сыну жить! Что ж мне! Мефодий скоро семинарию закончит, а Матрену на казенный кошт возьмут...

Лицо дьяконши сделалось суровым и строгим. Его как будто передернуло.

– Этого никогда не будет! – резко сказала она.

– Ну, что ж такое?! Назар – он добрый.

– Все добрые, пока в кармане, а как из кармана – так волками делаются... Знаю я. Нет уж, лучше в работницы пойду, а на шею никому не сяду.

Кирилл смотрел на бледное лицо матери и думал о том, как, должно быть, жизнь ее несладка, если она так глубоко озлобилась. Прежде он как-то не замечал этого.

– Ну, ну, пошла уже! – добродушно сказал дьякон и махнул рукой в сторону жены. – И вот всегда так. На людей злобится, никому не верит, даже детям своим кровным не верит.

– И не верю! – выразительно подтвердила дьяконша.

– То-то, что не веришь. А я вот всему верю. Всякому созданию Божию верю. По-христиански.

– И всякий тебя обходит за то.

– А пускай его обходит. Он обходит, а я себе стою на месте. Все равно как дуб столетний: ты его хоть миллион раз обойди, а он будет стоять нерушимо. Вот оно что!..

Эта маленькая размолвка скоро была забыта. Дьякон не настаивал на своем намерении подать «за штат». Всю жизнь он уступал Арине Евстафьевне – неужели же и теперь уступит? Скоро опять заговорили об архиерейской милости и вновь оживились. К вечеру созрел проект об извещении Назара.

Назар состоял дьяконом в селе Чакмарах, верстах в тридцати от Устимьевки. На другой день рано утром запрягли лошадемок в таратайку. Кирилл с Мефодием выехали со двора и направились по широкой степной дороге, которая вела в Чакмары. Солнце едва поднялось, над полем носилась утренняя прохлада. Кирилл чувствовал необычайную бодрость духа. Он говорил брату о том, что на него благотворно действует деревня и что он не променяет ее ни на какие столицы.

– Что тут хорошего? Ни людей, ни развлечений. Одна скука! – возразил Мефодий. – Вообще, я тебя не понимаю, брат!

– Если бы мне сказали это, когда я был в твоём возрасте, я точно так же не понял бы! – ответил Кирилл. – Тогда я, как ты теперь, тяготел к большому городу; мне казалось, что там только жизнь, а здесь – сон и прозябание. Теперь я думаю иначе. Жизнь только здесь, здесь люди живут по существу, а там проделывают бесконечный ряд условностей. Все там условно: и приличие, и уважение, и порядочность, и ум, и чувство. На все есть кодекс, и человек там – раб этого кодекса. Там можно жить только для себя, здесь можно кое-что уделить и ближнему. Возьми хоть это: жизнь в городе дорога. Чтобы жить прилично, надо все силы посвящать на добывание средств. У человека не остается ни времени, ни сил на то, чтобы быть человеком. А здесь жизнь стоит пустяки. Времени много, работай сколько хочешь. Здесь, и только здесь, ты – хозяин своего времени, своих сил и способностей. Только здесь ты можешь отдать себя на служение ближнему!..

– Скажи, пожалуйста, этому обучают в Академии? – спросил Мефодий, у которого речи брата вызвали одно только недоумение.

– Чему?

– Вот этому всему, что ты говоришь.

– Нет, – сказал Кирилл с улыбкой. – этому не обучают в Академии...

Они приехали в Чакмары часам к двенадцати. Назар встретил их радушно, обнял Кирилла и с большим чувством поцеловал его. Он заметил с сожалением, что Кирилл сильно похудел.

– Зато ты все толстеешь. Пора бы остепениться! – сказал Кирилл.

Назар безнадежно махнул рукой. Это было его несчастье. Он был невероятно толст, так что подчас становился тяжел самому себе. Никакие меры не помогали. Уж он и моцион делал, и спать после обеда прекратил, и купался; он применял к себе все, что бы ему ни посоветовали. Кто-то сказал ему, что крепкий чай обладает свойством высушивать человека. Он стал пить

крепкий чай денно и ночью. Посоветовали ему уксус пить – он бросил чай и принялся за уксус. Одного он не мог применить к себе – умеренности в пище. Аппетит у него был страшный, а обширная утроба помещала массу питательных веществ. Ел он буквально за пятерых и при этом выпивал не одну рюмку доброй водки. Назару было уже лет сорок; у него было семеро детей, а жена его, Лукерья Григорьевна, называвшаяся в родственном кругу Луней, подавала надежды принести еще столько же. Эта маленькая, тоненькая, чрезвычайно подвижная и вечно веселая женщина представляла полную противоположность Назару, у которого вечно опухали ноги, а самого его постоянно тянуло к дивану. Можно считать, что собственно жена была главой дома. Назар свято исполнял одни дьяконские обязанности, но то лишь потому, что Луне поручить это было никак невозможно. Во все прочее он, по тяжеловесности своей, не мешался, а Луня прекрасно справлялась сама и с хозяйством, и с педагогией, и даже, вдобавок ко всему, просфоры пекла. На все у нее хватало сил, никогда она не жаловалась на усталость или на то, что у нее слишком много дела. Она жила делом. Назар обожал свою жену и был просто влюблен в нее, считая ее красавицей, несмотря на то, что ее смуглое лицо было уже все в морщинах, а в волосах прежде времени появилась седина.

Мефодий побежал в загон, где возилась с телятником Луня, и сообщил радостную новость. Она бросила телятника и взволнованно полетела к мужу. Тут она изобразила печаль и разыграла для шутки маленькую сцену.

– А знаешь, Назар, Кирилл был у архиерея, и архиерей сказал ему, что, должно быть, говорит, брату твоему Назару придется в заштат подать.

– Господи помилуй! – с испугом воскликнул Назар и даже перекрестился при этом. – За что же бы это?

– А потому, говорит, больно он толст, служить не может.

Но видя глубокое отчаяние, в которое привела эта шутка легковесного Назара, Луня рассмеялась и поведала ему всю правду. Кирилл подтвердил, Назар, разумеется, пришел в неописанный восторг и готов был подскочить от радости, если бы ему позволил это его вес. Тотчас он начал мечтать о предстоящих улучшениях, которые неизбежно должны последовать в его жизни, – о просторной квартире, об отдаче дочки в науку, о воспитании подрастающих детей, наконец, самая главная и самая пылкая мечта его была о том, что бы взять отпуск, поехать в Киев или Харьков и полечиться там у самого лучшего доктора от толщины, – все это должно было осуществиться разом, благодаря одному архиерейскому слову.

Братья пообедали вместе, а после обеда молодые люди поехали обратно в Устимьевку. Мотя выбежала им навстречу и, сев в таратайку около церкви, рассказала, что дома была неприятная сцена. Арина Евстафьевна всю ночь не спала. В душе ее боролись два ощущения: радость по поводу предстоящего повышения Назара и горе по поводу непонятного добровольного унижения Кирилла. Встала она с головной болью и с расстроенными нервами. Дьякон сразу это понял и с утра начал заговаривать, что ему нужно побывать в доме у отца настоятеля. Но она пристала к нему неотступно. Сначала были только вздохи и укоры общего свойства.

– У людей все идет по-людски, – говорила дьяконша, – дети вырастают и достигают толку. У иного сын еле-еле семинарию дотянул, а смотришь – сходил туда-сюда и место в городе получил.

Тут следовали примеры: архиерейского иподиакона сын кончил по третьему разряду, а получил место в городе в кладбищенской церкви. Чакмарского священника два сына – оба из четвертого класса вышли, и ничего – в священники вылезли. А у них, у Обновленских, все не по-людски: сын удивлял всех своими успехами, кончил Академию первым и будет в селе кинуть. Все будут на них пальцами показывать, – дескать, вот какие вы мизерные, и Академия вам не помогла, и первенство вам ни к чему. А отец, вместо того чтобы сыну внушить, на путь истины наставить, еще похваливает, умиляется. Видно, Бог наказал ее за великие грехи.

Потом начались слезы, которые перешли в рыдания. Тетка, разумеется, тоже плакала, но тихонько, спрятавшись в темный чуланчик. Кончилось тем, что Арина Евстафьевна слегла в постель. Когда Кирилл вошел в ней в комнату, подошел к ней и поцеловал у нее руку, она встретила его с упреком:

– Вот до чего довели меня детки! В постель слегла!..

И тут она опять разрыдалась. Кирилл сел на кровати, взял ее руку и заговорил тихим, ласковым голосом:

– Вы больны, маменька, не сможете слушать меня спокойно, а то бы я вам объяснил.

– Что ты мне объяснишь, что ты мне можешь объяснить? – трагически воскликнула Арина Евстафьевна.

– Объяснить свое решение, маменька! Вы негодуете на то, что отказался от выгодных мест и иду в село священником. Рассудите же, маменька! Мы с вами всю жизнь были бедны, вы всю жизнь неустанно трудились, труд иссушил вас, истомил. Бедность и труд, маменька, это наше достояние, они сделались нашими родственниками. Что бедно и трудится, то наше. Ну, что же, я хочу послужить своему родному. Не хочу служить богатым, а бедности хочу послужить. Хочу жить так, как вы жили. За вашу трудовую жизнь я питаю к вам глубокое уважение. Хочу тем же заслужить уважение и я. У вас же я научился этому. Вы своим примером заронили в мою душу семена, а я их взрастил.

Трудно сказать, что подействовало на дьяконшу. Едва ли ее озлобленной душе были доступны эти доводы. Но ласковый голос сына, его любовный взгляд, быть может, теплота его руки, которой он нежно сжимал руку матери, подействовали на нее успокоительно. С ее лица исчезло выражение злобы и отчаяния, она тихо привлекла к себе Кирилла и поцеловала его в голову.

– Ах, Кирилл! – сказала она тихим голосом. – Так-то мы на тебя надеялись, так-то надеялись! Думали, что возвышение нашему семейству будет, а ты вот что придумал.

Но все это она сказала ровным примирительным голосом.

– Будет и возвышение! Погодите. Дайте сперва мне свое сердце удовлетворить. Все будет, маменька!

Кирилл посидел с ней с полчаса. Дьякон, подслушивавший их разговор в соседней комнате, дивился искусству сына разгонять бурю, – искусству, которому он не мог научиться за всю свою жизнь, несмотря на полную свою покорность Арине Евстафьевне. Скоро и дьяконша встала с постели и принялась за свои обычные дела. И разговоров этих она больше не возбуждала.

Проездом в город заезжал Назар. Здесь его торжественно благословили. Арина Евстафьевна сделала ему подробные напутственные указания, как малому дитяти. Добродушный Назар выслушал их покорно и серьезно принял их к сведению. Он и в самом деле был дитя и, пускаясь в путь со столь важными намерениями без Луни, чувствовал, что почва под ним не тверда. Дело обстояло так, что ежели преосвященный не изменит своего милостивого решения, то Назару придется одному прожить в городе, где-нибудь на постоялом дворе, не меньше как неделю, а это представлялось ему настоящим подвигом.

Следующие два дня после его отъезда в доме устимьевского дьякона были полны тревожного выжидания. Один Кирилл был спокоен; он знал, что архиерей сделал свое обещание серьезно и не изменит своему слову. Робкий дьякон боялся верить такому счастью, пока не увидит его воочию. Арина Евстафьевна, в душе которой глубоко сидел пессимизм, твердила, что надеяться следует только на дурное, оно никогда не заставит себя ждать, а по части хорошего всегда пообождать следует. «Иной раз по всем видимостям добро должно бы выйти, а на конец – злющее зло получается». Но по истечении двух дней можно было уже построить силлогизм такого рода, что будь у Назара неудача – он уже вернулся бы, а если сидит в городе – значит, к сану готовится.

– А может, его на епитимью там поставили, вот он и сидит! – заметила Арина Евстафьевна, хотя в душе больше склонялась к общему мнению.

Наступило воскресенье. Дьякон облачился в чистенькую ряску, примазал и пригладил волосы и вообще принял вид торжественный и благолепный.

– Уж это верно, что сегодня его рукополагают! – с торжественным умилением повторял он и служил в этот день в церкви с особой настроенностью, подчеркивая слова и произнося их нараспев. Волнение его с каждым часом усиливалось. Придя из церкви, он, в противность обычаю, совсем отказался от рюмки водки и от вяленого рыбца со свежим луком. Он и от обеда отказался, просто не мог есть от волнения. Вечный дьякон, он считал священство недосягаемым идеалом, и вот Назар, который, казалось, был так же, как и он, осужден на вечное дьяконство, сегодня взбирается на эту высокую ступеньку жизненной лестницы. Сильно волновалась и Арина Евстафьевна, но прятала свое волнение внутрь себя и неискренно твердила, что не верит.

Наконец к вечеру приехал Назар. Он вошел в комнату торжественно-сияющий и, остановившись на пороге, внимательно и набожно осенил себя крестом, поклонился иконам, а затем обратившись к семье, которая вся сидела за чаем, молча благословил ее. Тут все поняли, что свершилось, чинно поднялись и тоже стали креститься. Радость была до того велика, что в первое время все молчали. Оправившись, все чинно подошли поочередно к новому иерею и взяли у него благословение. Затем стали расспрашивать Назара, как это случилось. Он рассказывал по порядку с мельчайшими подробностями, а когда дошел до описания своего первого визита к архиерею, то, обращаясь к Кириллу, сказал:

– Про тебя он говорил страсть как хвалебно. «Он, говорит, пример всей епархии. И собственно ради его христианского смирения я тебя призвал в священники». Велел сказать, что место тебе хорошее приготовил, чтобы скорее женился и к нему приезжал.

Вся семья, кроме отца, смотрела недоумевающе на Кирилла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.